

Р. А. Ромашов¹

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ²

Кризис (*др.-греч.* κρίσις — решение; поворотный пункт) — переворот, пора переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации.

Кризис национального права — состояние, при котором существующие правовые средства и методы социального воздействия утрачивают инструментальную эффективность, в результате чего в государстве и обществе усиливаются тенденции политико-правовой аномии, крайней формой выражения которой является наступление периода «бесправия / правового хаоса».

Вхождение права в кризисное состояние свидетельствует о завершении государственно-правового цикла и переходе к следующему циклическому этапу развития государственно-правовой системы. В процессе политико- и правогенеза следует различать мутирующие (спиральные) и повторяющиеся (круговые) циклы.

Эволюция государственно-правовых систем в рамках мутирующей циклическости характерна для западных политико-правовых систем, минующих в своем генезисе полисный, патримониальный, республиканский этапы развития. При этом в рамках каждого из выделенных циклов качественным образом меняются представления о государственно-правовых институтах и ценностях, среди которых основными являются свобода и собственность. В таком понимании право как нормативная система социального регулирования и охраны отражает суть свободы и собственности, а так-

же выступает в качестве гарантии их реализации и защиты.

В античном полисе свобода и собственность являлись коллективными качественными свойствами и принадлежали только гражданам, в совокупности составлявшим формирующую полис гражданскую общину. В условиях патримониальной системы свобода и собственность определялись корпоративной принадлежностью (аристократия, купечество, горожане и т. п.). Республиканский цикл связан с буржуазными преобразованиями, в основу которых были положены основанные на концепциях естественного права и трудовой теории собственности представления о личной свободе и частной собственности, являвшихся неотъемлемыми правами человека и гражданина, равного в своем правовом статусе другим субъектам, независимо от занимаемого места в социально-правовой структуре общества.

Для Российского государства характерна круговая (повторяющаяся) циклическость, на всех этапах которой государство как заселенная «народом» территория представляет собой объект владения и пользования со стороны индивидуального либо коллективного государя, чье наименование меняется, однако суть верховного правителя как «хозяина земли и народа русского» остается прежней. В таких условиях свобода воспринимается как неограниченная воля господина по отношению к слуге либо как «русский бунт — слепой и беспощадный». Что касается собственности, то она, как, впрочем, и все остальное в государстве, изначально принадлежит государю, который может как наделить ею «верных подданных» в виде «богатства», так и лишить их последнего, в силу чего в России традиционно не принято зарекаться «ни от сумы, ни от тюрьмы».

Понимание права в российской культурно-исторической ментальности сводится к двум ассоциативным образам: обычаю — «закону отцов» и государевой воле (указу) — «закону отца». Кризис обычного традиционного права обусловлен разрывом связи поколений, что влечет утрату практической значимости и ценности

¹ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 470 научных публикаций, в т. ч.: «Правогенез» (в соавт.), «В поисках теории права» (в соавт.), «Юридическая конфликтология», «Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации», «Политогенез: Храм—Пóλις—Государьство—State», «Теория государства и права» и др. Эксперт Международного института мониторинга развития демократии Межпарламентской ассамблеи СНГ.

² Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

накопленного предшествующими поколениями опыта. В национальной российской истории можно выделить несколько подобных «разрывов» — монгольская экспансия XII–XV веков, междинастический период смутного времени (конец XVI — начало XVII в.), революционные периоды начала и конца XX века.

На всех перечисленных этапах переставали «работать» традиционные механизмы правового воздействия, основанные на традиционных же ценностях. Что касается волюнтаристских средств и методов законного управления, то их действенность определялась не столько формой внешнего выражения, сколько принудительными обеспечительными мерами, главной из которых на всех исторических этапах являлся страх перед наказанием как легальным средством государственной репрессивной деятельности. Соответственно, ослабление страха перед государством влекло за собой снижение эффективности законных средств управления независимо от того, кем и от чьего имени они принимались.

Понимание права как индустриальной технологии, в одинаковой степени обязательной как для работников (подвластных), так и для руководства (власти), представляет собой явление второй (по Э. Тоффлеру) волны цивилизационного развития, связанного с переходом от сельскохозяйственной феодальной «культуры земли» к промышленной капиталистической «культуре индустрии». Россия, войдя в индустриальную волну буржуазных преобразований второй половины XIX века, не смогла адаптироваться к изменениям, вызванным капитализацией общественных отношений и связанными с ними социально-культурными трансформациями. Итогом кризиса императорской государственно-правовой системы стало ее разрушение в результате революционных катаклизмов 1905 и 1917 годов. При этом за короткий исторический период 1917–1918 годов друг друга сменили две переходные системы: буржуазной и советской республик, которые изначально своими «отцами-основателями» воспринимались именно как переходные (временные) формы государственности.

В буржуазной Российской Республике было создано временное правительство, ставившее своей целью формирование учредительного собрания, в перспективе должного избрать путь развития российской государственности. В свою очередь Конституция Советской Республики закрепляла временный характер новой власти, призванной обеспечить скорую победу мировой пролетарской революции. Известно, что итогом стал хаос братоубийственной Гражданской войны, победу в которой одержали большевики, основавшие новый государственно-правовой порядок, в котором социалистическое право провозглашало ценности, сходные с буржуазными, однако качественно отличные от них по своей содержательной сущности. Республика, федерация, демократия, выборная система, представительные органы государственной власти, партийное строительство — эти и многие другие понятия применительно к капиталистической и социалистической системам наполнялись диаметрально противоположными смыслами.

То же самое можно сказать о противопоставлении условных полюсов мирового развития. Если во фра-

зе Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись» имеется в виду несводимость христианской и исламской культур, то Западная и Восточная Европа разделяется не по религиозному, а по идеологическому принципу, отделяющему прогрессивное человечество, идущее к победе коммунизма, от «загнивающего» и обреченного быть выброшенным на «свалку истории» империализма с его «лживой» государственно-правовой системой.

Объективный суд истории принял решение не в пользу системы советского Востока, разрушение которой привело к появлению на политической карте мира целого ряда государств, претендующих на национальный суверенитет. При этом практически все они в рамках разрабатываемых курсов национальной исторической идентичности заявляют о многовековой истории именно национальной государственности. Не стала исключением и Россия. Часть 2 ст. 67.1 Конституции РФ¹ содержит положение, в соответствии с которым: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Атрибутивная сторона вышеназванной преемственности отражается в символах государства, где флаг и герб заимствованы у Российской империи, а гимн — у Советского Союза. Многонациональный советский народ сменил многонациональный народ Российской Федерации, в котором неопределенное место занимает говорящий на русском языке государствообразующий народ, название которого авторы поправок по непонятной причине решили не раскрывать, предоставляя каждому читателю Основного закона право самостоятельно решить для себя этот юридический квест.

Переходный период современной российской государственно-правовой системы в первую очередь обусловлен неопределенностью транзита высшей государственной власти из-за конституционного «обнуления» срока президентских полномочий (что по сути своей придает действующей Конституции России юридические свойства правоприменительного акта, достаточно легко изменяемого и подгоняемого под запросы властвующей элиты). В сложившейся ситуации кризис права выражается в непрерывной трансформации национального законодательства, причем не является исключением и действующая Конституция, куда одномоментно было внесено 206 поправок, часть которых фактически меняют смысл положений, закрепленных в формально не подлежащих изменению гл. 1, 2, 9.

В ситуации, когда персонифицированный глава государства обладает практически безграничной властью, становится очевидным, что после того как транзит президентской власти все-таки произойдет, российская государственно-правовая система в очередной раз окажется в переходном состоянии.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.